

Лучшим опровержением всякой теории является возможность воплотить ее в жизнь

*Е.Г. Пономарева,
кандидат политических наук*

Доклад и особенно развернувшаяся дискуссия заставили меня вспомнить Оскара Уайльда, который любил повторять: «когда со мной сразу соглашаются, я чувствую, что я не прав». В данном случае — наоборот. Сегодня на семинаре нет никого, кто сразу согласился бы с докладчиком. Возможно, это как раз свидетельствует о том, что докладчик прав. Однако, как известно, лучшим опровержением всякой теории является возможность воплотить ее в жизнь. Именно по поводу «воплощения в жизнь» высказанных теоретических положений у меня и возникает ряд сомнений/размышлений.

Первое. Солидаризм, согласно логике доклада, является продуктом общества, своего рода гражданской инициативой, отражающей коренные интересы всех общественных слоев. Однако сам автор особо подчеркивает то, что солидаризм интересен и работает только в том случае, когда эту теорию/идеологию инициирует и использует государство. Государство, выступая в роли центрального института политической системы общества, объединяет, по логике докладчика, солидаризирует людей сильных, уверенных, креативных, которые являются двигателем развития. Таким образом, мы наблюдаем явное противоречие в построении концепции.

С одной стороны, солидарность трактуется как «идея снизу», как идеология всего общества, что является, по моему мнению, заведомо ложным утверждением. Вся история развития человеческого общества — и России прежде всего —

свидетельствует, что идея вызревает, кристаллизуется, превращаясь в идеологию, как сказал бы Карл Маркс, в «мысли господствующего класса», как система взглядов очень ограниченного круга индивидов, продвигающих свои (классовые) интересы. С другой стороны, солидаризм понимается как «идея сверху», т. е. именно государство рассматривается как ее (идеи) главный заказчик, разработчик и проводник. В этой связи утверждение «солидаризм — идеология нового общества, основанного на субъектности и самодостаточности всех членов социального организма, в котором инновации становятся нормой, т. к. государство зачастую выступает главным тормозом инноваций и инновационных процессов» применительно к современной России мне представляется неверным. Во-первых, потому что главным инициатором и финансистом креатива, инноваций в России является именно государство. Во-вторых, «субъектность и самодостаточность *всех* (курсив мой — Е.П.) членов социального организма» в России является утопией, идеалистическим заблуждением. В-третьих, индивиды могут быть солидарны только в постановке общих целей и решении общих задач. Гетерогенность российского социума доказывает как раз обратное: социально-экономические и политические цели у различных социальных групп кардинально противоположны.

Исходя из вышесказанного, следует признать, что солидаризм может стать идеологией, «господствующими мыслями» только в том случае, если ее будет проводить обладающее исключительными правами и ресурсами государство. Еще Джеймс Мэдисон, один из творцов американской конституции, отмечал, что основной задачей правительства является «защита процветающего меньшинства от нападков большинства», а Дэвид Юм подчеркивал, что контроль над общественным мнением лежит в основе правления — как самого деспотичного, так и наиболее либерального. Ноам Хомский справедливо дополнил эти замечания тем, что «очевидность данной закономерности гораздо более значима в либераль-

ных обществах, где подчинения нельзя достичь с помощью жестких мер». Таким образом, исключительная роль государства в претворении идеологии в жизнь в современных условиях очевидна, и не стоит обманываться способностью общества постулировать идеи.

Второе замечание продолжает первое и касается собственно *общественной* солидарности. Опираясь опять же на исторический опыт, следует констатировать, что подавляющее большинство любого общества имеет очень простые, потребительские и, как правило, эгалитаристские интересы. Солидаризм в силу объективных причин большинством общества будет восприниматься как принцип всеобщей уравнительности. В результате получится солидарность серости в противовес солидарности креативности. Кроме того, по мнению докладчика, «солидаризм — это теория не «идеального», а «хорошего» общества», «модель симфонического мира», «мира гармонии», одним из актуальных лозунгов которого является «не строительство рая, а недопущение ада». Но каков критерий «хорошести»? Как понимать ад и возможно ли создать гармонию? Например, сталинский режим многие (начиная с Григория Климова и заканчивая Збигневом Бжезинским) оценивают как сущий ад, а многие (включая Всеволода Кочетова, Станислава Куняева, Андрея Фурсова) — несмотря на множество трагических событий, как пиковую фазу развития отечественной государственности. Более того, противоречивость и сложность изложения предложенной концепции становятся серьезным препятствием для ее восприятия большинством общества. В этой связи уместно вспомнить Алексиса де Токвиля: «Сознанием людей овладевают лишь самые доступные идеи. Ложная, но ясно и точно выраженная идея, скорее овладеет миром, нежели идея верная, но сложная».

Третье замечание. Как справедливо отметил Веслав Тшакальский, «марширующие в одной колонне не обязательно направляются к одной цели». В этой связи общественная солидарность скорее симулякр, а именно — точная копия пред-

мета, подлинника которого не существует. Утопизм солидаризма особенно очевиден в свете социальной психологии и истории Бориса Поршнева и этической антропологии Бориса Диденко. Беспредельная жестокость, столь ярко и щедро продемонстрированная человечеством за время своего существования, заставляет усомниться в возможности солидарных действий индивидов. Гипотеза видовой (этической) неоднородности человечества достаточно полно отвечает на вопрос о *невозможности* солидарного человеческого общежития. Эта гипотеза предполагает, что человечество является не единым видом, а семейством, состоящим из совершенно различных — двух хищных и двух нехищных — видов.

Не вдаваясь в детали видизма (наука о видах, впервые термин «видизм» (*speciesism*) использовал биолог Ричард Райнер) отмечу, что хищные виды (Б. Диденко называет их суперанималы (сверхживотные) и суггесторы (псевдолюди) характеризуются жестокостью и хитростью. Два нехищных вида характеризуются врожденным инстинктом неприятия насилия. Диффузный вид включает людей, легко поддающихся внушению, в то время как неоантропы — менее внушаемые люди, обладающие обостренной нравственностью. Нехищным людям свойственна предрасположенность к самокритическому мышлению, не всегда, к сожалению, реализуемая. Таким образом, согласно концепции врожденных видовых поведенческих различий в человеческом семействе, человечество представляет собой парадоксальное общежитие существ несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными поведенческими комплексами: *стадным*, точнее, *общественным* (подавляющее большинство) и *хищным* (несколько процентов). И вызвано это самим процессом антропогенеза. Причем различия эти не имеют никакого отношения к интеллекту: можно отлично играть в шахматы, а на «работе» заниматься изоощренными пытками (достаточно вспомнить блестящих интеллектуалов среди сотрудников ВЧК/НКВД). Эти

различия этические, нравственные, т. е. видовые. Так о какой солидарности, исходя из объективных эволюционных характеристик человечества, можно говорить?

И, наконец, последнее среди наиболее очевидных замечаний связано с экономическими основаниями солидаризма. Из доклада непонятно, каковы должны быть экономические предпосылки общественной солидарности. Речь идет об идеологии общества достаточно высокого уровня развития или, наоборот, солидаризм применим к обществам слабо-развитым. Современная Россия — яркий пример страны не только «расколотой» по культурно-цивилизационным, но и по социально-экономическим основаниям. Как в стране, где, по разным данным, от 2 до 10% населения присвоили себе 90% национального достояния, могут быть реализованы идеи солидарности — мне совершенно непонятно. В российских условиях говорить о солидарности всего общества нет никаких оснований. Соответственно, речь должна идти либо о солидарности 10% населения страны, либо о солидарности остальных. Так как в последнем случае этого достичь практически невозможно — солидаризм слишком мягкая и сложная идеологема, — солидаризироваться смогут только «верхи».

Несмотря на имеющийся у меня скепсис относительно солидаризма как «идеологии нового общества», следует отметить, что для построения сильного государства солидаризм представляет несомненный интерес. Остается лишь надеяться, что сильное государство станет в современной России прообразом «хорошего». Поэтому завершить свое выступление я хотела бы словами Льюиса Кэрролла из известной «Алисы в стране чудес»: «План, что и говорить, был превосходный, лучше не придумаешь. Недостаток у него был только один: было совершенно неизвестно, как привести его в исполнение».

Солидаризм, модель симфонического мира — по всей видимости, идеи превосходные. Но только совершенно неясно, как их воплотить в жизнь.